

Дунфан, едва завидев младшего главу павильона Итянь, сразу же помрачнел. Его самоуверенное, исполненное ложного благородства лицо вызывало у него лишь одно желание — хорошенько врезать.

Младший глава Итянь сложил руки в приветственном жесте:

— Господин Воци, дело вот в чем. В нашем павильоне хранился древний манускрипт, но по неосторожности он был утерян. Мы долго искали его, но безуспешно. Мой отец так убивался, что тяжело заболел, и до сих пор не может оправиться.

Дунфан, услышав это, едва сдержался, чтобы не плюнуть ему в лицо. Итянь только и делает, что вечно «теряет» секретные книги — с первых же слов ясно, что это лишь предлог, и лжет он крайне неубедительно.

Дунфан так увлекся язвительными комментариями, что невольно вздрогнул, услышав приглушенный смешок Цзычэ Уци. Только сейчас он вспомнил: Июй слышит всё, что он говорит.

Младший глава Итянь, сбитый с толку внезапным смехом господина Воци, растерянно спросил:

— Господин Воци? Я сказал что-то не то?

Цзычэ Уци с невозмутимым, лишенным всякого выражения лицом ответил:

— Нет, просто простудился ночью, вот и закашлялся.

Ложь вышла... тоже не самой правдоподобной.

Лицо младшего главы Итянь потемнело, но он, собравшись с духом, продолжил:

— Из-за утраты манускрипта здоровье моего отца пошатнулось. Но несколько дней назад мы узнали, что книгу на самом деле украли люди из Тридцати шести небесных врат. Мы уже собирались отправиться к ним, чтобы потребовать вернуть украденное, но...

Он замялся, изображая крайнюю неловкость, и добавил:

— Но кто бы мог подумать, что Тридцать шесть небесных врат внезапно падут. До нас дошли слухи, что манускрипт попал к вам, господин Воци. Поэтому у меня есть к вам деликатная просьба: не могли бы вы показать книгу, чтобы я мог убедиться, не принадлежит ли она нашему павильону?

Пока он говорил, Цзычэ Уци оставался непоколебим, зато Дунфан пришел в ярость. Кто сказал, что люди из Итянь — книжные черви? Они те еще наглецы и лжецы, раз смеют обвинять Дунфана в краже!

Старые обиды смешались с новыми. Дунфан скрежетал зубами от злости: если он сегодня не превратит физиономию этого выскочки в отбивную, то не простит сам себе.

Цзычэ Уци уже хотел что-то ответить, как вдруг нахмурился и прижал руку к груди.

Дунфан, снедаемый гневом, принял решение. Прошептав про себя заклинание, он в мгновение ока вселился в стоявшего неподалеку зеваку.

Этот человек явно не обладал никаким мастерством: жалкий, с крысиной мордочкой, он вытягивал шею, с любопытством глаза на происходящее. Но стоило Дунфану ворваться в его тело, как бедняга тут же покачнулся и едва не рухнул на землю.

Стоявший перед ним мужчина недовольно обернулся:

— Чего толкаешься?

Успешно захватив тело, Дунфан тут же пожалел: мастерство этого бедолаги было просто ничтожным, куда слабее его собственного. Впрочем, не беда — он и не таких хамов укладывал.

Дунфан размял шею, оттолкнул преграждавшего путь мужчину и вальяжной походкой вышел вперед.

Внезапное появление незнакомца озадачило младшего главу Итянь:

— Ты кто такой...

Дунфан усмехнулся:

— Неважно, кто я. Просто мимо проходил и слушать этот бред больше не могу. Вы, люди из Итянь, совсем совесть потеряли? Нагло врете в глаза и прикрываетесь справедливостью? Тьфу, позорище!

Младший глава опешил. Он никак не ожидал, что какой-то проходимец начнет его отчитывать, и от неожиданности даже онемел.

— Да кто ты такой? — вытаращил он глаза. — Когда это я что-то крал?

Дунфан с самым наглым видом парировал:

— Еще и отпираешься? Все здесь прекрасно понимают: ты разыгрываешь этот спектакль только ради того, чтобы заграбастать Лунцзя Шэньчжан! С чего бы это вдруг у вашего Итянь взяться этой книге?

Он обернулся к толпе:

— Вы хоть раз слышали, чтобы у Итянь была Лунцзя Шэньчжан?

— Ты... — в ярости воскликнул младший глава. — В нашем павильоне бесчисленное множество книг, почему бы нам не владеть Лунцзя Шэньчжан?

Дунфан расхохотался:

— Если бы она у вас была, разве вы прятались бы в глуши, как черепахи? Я знаю про одну долину, два дворца, три школы и четыре дома, но впервые слышу о каком-то Итянь!

Толпа не выдержала и прыснула со смеху. И правда, дворец Юньцзи, Тридцать шесть небесных врат и клан Тан из Дунши известны всем, а про Итянь никто и не слыхивал.

Поскольку вокруг Лунцзя Шэньчжан ходило столько легенд, доводы Дунфана показались людям вполне разумными: если бы у Итянь действительно было такое сокровище, они бы давно прославились.

Младший глава побагровел от гнева. Его колотило, и, не в силах больше вымолвить ни слова, он в ярости бросился вперед. В его руке, словно по волшебству, возник длинный меч, отливающий синевой.

Цзычэ Уци, недовольно нахмурившись, собрался было вмешаться, но Дунфан действовал быстрее. Левой рукой он отстранил Цзычэ Уци, а правой, даже не достав оружия, ловко парировал удар синего меча.

Младший глава был шокирован. Глядя на худого и болезненного на вид мужчину, он думал, что тот умеет только болтать, но никак не ожидал такой прыти.

Он уже пожалел, что полез в драку, но было поздно. Дунфан отвел его меч и со всей силы пнул его под зад.

Младший глава не удержался на ногах, полетел вперед и, едва не выбив зубы, растянулся на земле.

Дунфан расхохотался:

— Итяньские жабы решили полакомиться лебедятиной! С такими способностями лезете за Лунцзя Шэньчжан? Не позорьте великую книгу, отдайте её тем, кто достоин!

Все присутствующие жаждали заполучить манускрипт и уж точно не хотели, чтобы он достался Итянь, поэтому дружно поддержали Дунфана, подняв шум.

Опозоренный младший глава, красный от стыда и злости, не нашел ничего лучше, чем вскочить и, расталкивая толпу, позорно сбежать.

Дунфан смотрел ему вслед, чувствуя невероятное удовлетворение. Казалось, он отомстил за все детские обиды разом.

Цзычэ Уци с легким оттенком досады взглянул на Дунфана и сказал:

— Иди за мной.

Услышав обращение Цзычэ Уци, Дунфан застыл с глупой улыбкой на лице. Он машинально решил, что его раскрыли, но тут же отбросил эту мысль как невозможную и сделал вид, что ничего не слышал.

Цзычэ Уци, видя, что тот не реагирует, повторил:

— Иди за мной, мне нужно с тобой поговорить.

Дунфана охватила паника, ноги стали ватными. И дело не в трусости — просто нахлынули детские воспоминания. Всякий раз, когда он в детстве разбивал печь для алхимии, дядюшка Воци говорил именно так, а потом долго его отчитывал...

Дунфан поспешно покинул жалкое тело зеваки и вернулся в Лунцзя Шэньчжан. Впрочем, поступок свой он тут же счел постыдным — ну что за поведение, как у черепахи!

Цзычэ Уци бросил взгляд на опустевшую оболочку, вздохнул и ушел. Больше никто не решался преграждать путь господину Воци — все знали, на что он способен, и никто не хотел ссориться с дворцом Юньци.

Дунфан, находясь внутри книги, видел, как Цзычэ Уци вошел в свою комнату и плотно закрыл дверь. На душе у него было беспокойно.

К тому же, в груди неприятно саднило, хотелось кашлять — последствия поспешного вселения. Это всё равно что надеть тесную обувь: Дунфан выбрал тело, которое не подходило ему по духу, и теперь расплачивался.

Он не сдержался и закашлялся.

В этот момент он почувствовал, как его подхватила большая ладонь. Цзычэ Уци достал книгу из складок одежды и бережно положил её на ладонь.

Дунфан замер. Будь у него сейчас тело, он бы наверняка покраснел до корней волос. Он терпел, изо всех сил стараясь не издать ни звука, и пристально смотрел на Цзычэ Уци.

Тот помолчал, вздохнул и произнес:

— Почему ты до сих пор такой безрассудный? Нельзя так легкомысленно вселяться в чужие тела. Если душа и оболочка не подходят друг другу, это нанесет лишь лишний вред.

Дунфан вытаращил глаза от изумления, забыв про кашель. В голове гудело. Неужели Цзычэ Уци действительно знал, что он внутри книги?

Нет, не «неужели». Он знал. Совершенно точно знал.

Дунфан не знал, что и сказать. Он был в таком шоке, что только беззвучно открывал и закрывал рот.

Цзычэ Уци сменил тон:

— Впрочем, лежать в книге тебе, должно быть, тоже не слишком удобно.

Теперь Дунфан окончательно убедился: Цзычэ Уци всё знал!

— Как... как ты узнал? — наконец выдал он. — И если знал, то почему...

Он хотел спросить, почему тот никак не реагировал, но тут же вспомнил, как Цзычэ Уци постоянно гладил книгу, отчего Дунфану становилось не по себе... «Никак не реагировал» — это было явно не про него.

Дунфан смутился, в голове завертелись странные мысли.

Цзычэ Уци не ответил, а лишь продолжил:

— Если хочешь выбраться из книги, я могу позволить тебе иногда вселяться в меня.

Вселяться... в него?

Дунфан чувствовал, как глаза лезут на лоб. Он смотрел на Цзычэ Уци как на чудо:

— Ты предлагаешь мне вселиться... в тебя?

Цзычэ Уци кивнул:

— Наши пути совершенствования схожи, мы должны подойти друг другу. Это не причинит тебе вреда.

Дунфан уже забыл о своем шоке — предложение было слишком заманчивым. Тело господина

Воци! Не только красивое, но и обладающее невероятным мастерством. Пусть у него и есть старые недуги, но даже больной лев сильнее любого зверя.

Мысль о том, чтобы «вселиться», заполнила всё его сознание. Отказаться было бы просто глупо!

Цзычэ Уци невозмутимо спросил:

— Ну так что, согласен?

— Согласен! — тут же выпалил Дунфан. — Только не вздумай передумать!

— Хм... — усмехнулся Цзычэ Уци.

Дунфан услышал этот смешок и вдруг подумал, что, возможно, передумать захочет не Цзычэ Уци, а он сам. Хотя, с чего бы?

Он был на седьмом небе от счастья. Это было похоже на подарок небес. Он думал, что сможет выбраться из книги не раньше, чем через год-полтора, а тут — такая удача.

Чужие оболочки ни в какое сравнение не шли с телом Цзычэ Уци. Да и захват чужого тела вредил его душе — раз или два еще можно, но чаще — уже опасно. А тут хозяин сам предлагает — это совсем другое дело.

Правда...

Несмотря на радость, Дунфана мучил один серьезный вопрос:

— Откуда ты всё-таки узнал, что я в книге?

Цзычэ Уци лишь бросил на него спокойный взгляд, плотно сжав губы. Дунфан прекрасно знал это выражение: если господин Воци не хочет о чем-то говорить, из него и клещами ничего не вытянешь.

Дунфан разочарованно надулся.

Цзычэ Уци произнес:

— Я обучу тебя заклинанию. Можешь попробовать прямо сейчас.

Дунфан чувствовал, что сюрприз слишком уж внезапен, но отказываться не собирался.

Цзычэ Уци прошептал формулу. Дунфан запомнил её, и в тот же миг дыхание перехватило. Мир перед глазами поплыл, а когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что сидит за столом.

В его руках была книга Лунцзя Шэньчжан.

Дунфан, не испытывая к ней больше никакого интереса, швырнул её на стол, вскочил и принялся осматривать комнату, пока не нашел зеркало.

На него смотрел мужчина лет двадцати с небольшим — молодой, но сдержанный, с тонкими чертами лица и острым, но при этом удивительно мягким взглядом.

Дунфан внимательно изучал «себя» в зеркале. Вселение прошло идеально, никаких следов отторжения. Он приподнял бровь, и лицо господина Воци приняло выражение, совершенно ему не свойственное.

Дунфан едва не прыснул со смеху. Это было невероятно забавно.

Он начал корчить рожи, изображать то загадочную, то откровенно развратную ухмылку, пока, наконец, не рассмеялся в голос, схватившись за живот.

Почему-то на душе стало легко и приятно.

Дворец Юньцзи всегда называли Долиной живых мертвецов, а господин Воци был его воплощением — всегда такой возвышенный и неземной. Если бы Цзычэ Уци увидел, как его тело используют для подобных кривляний, он бы наверняка пришел в ярость.

Дунфан коснулся своей груди. Хотя он и вселился, душа Цзычэ Уци никуда не делась — они сосуществовали, просто его сознание сейчас дремало.

Значит, он не видит, как Дунфан позорит его тело?

На миг его охватило легкое разочарование, но оно тут же улетучилось. Тело Цзычэ Уци было просто безупречным — он сорвал настоящий куш.

Несмотря на кажущуюся удобу, при прикосновении мышцы оказались твердыми, как сталь. Дунфан едва не растянул одежду, чтобы оценить всё до конца, но вовремя остановился. Это было бы уже слишком — вдруг Цзычэ Уци всё-таки видит?

Он поправил пояс, с деланной серьезностью кашлянул и продолжил любоваться собой в зеркале.

Вдруг его правая рука сама собой поднялась и коснулась щеки.

Дунфан замер. Глядя в зеркало, как его рука гладит лицо, он почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Он схватил правую руку левой:

— В чем дело?!

У него не было привычки трогать себя за лицо. Это был явно Цзычэ Уци.

Дунфан не отпускал руку, на лбу выступила вена:

— Сейчас это тело моё! Зачем ты вмешиваешься?

Цзычэ Уци заговорил, но не через Дунфана, а прямо изнутри:

— Ничего особенного. Просто на правой щеке была пылинка, я её смахнул.

— Да пошел ты! — огрызнулся Дунфан.

Ложь была настолько нелепой, что Дунфан не мог не возмутиться. Он долго смотрел в зеркало — ни единой пылинки там не было. Цзычэ Уци даже глазом не моргнул, сочиняя такую примитивную ложь, и это вызывало у Дунфана лишь презрение.

Цзычэ Уци, казалось, не обиделся на грубость:

— Ты развязал мой пояс, он теперь плохо затянут.

Дунфан вспыхнул:

— Ничего я не развязывал, он сам распустился! Я его уже поправил, мог бы и спасибо сказать!

Он понимал, что этот разговор с самим собой выглядит жутко — кто-нибудь другой на его месте уже бы поседел от страха. Но ему это даже начало нравиться.

После того как он покинул дворец Юньцзи, прошло много лет, и он не видел дядюшку Воци. У них не было кровной вражды, просто из-за их статусов отношения всегда были натянутыми.

Дунфан погрузился в воспоминания, а его рот тем временем произнес:

— Всё в складках, выглядит отвратительно.

Цзычэ Уци поднял обе руки, аккуратно развязал пояс и начал завязывать его заново с педантичной точностью.

Дунфана это начало раздражать. Он не любил мелочиться, в отличие от дотошного Цзычэ Уци.

Наблюдать за тем, как «он сам» с таким усердием возится с поясом, было странно. Цзычэ Уци явно страдал перфекционизмом: пояс должен был лежать идеально ровно, без единой складки, концы — симметрично.

Дунфан, глядя на этот процесс, уже начал уставать.

— Готово, — наконец удовлетворенно произнес Цзычэ Уци.

Дунфан хмыкнул. Лицо господина Воци в зеркале снова приняло нагловатое выражение.

Стоило Цзычэ Уци закончить, как Дунфан тут же дернул за конец пояса, и тот снова распустился. Вдобавок он распахнул воротник, чувствуя, что от этой безупречной застегнутости ему нечем дышать.

<http://bllate.org/book/18938/1855727>